

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 338(100)

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-1-18

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ИНСТИТУТЫ

Н. В. НОВИЧКОВ

Министерство культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

С. С. СЕРЕБРЕННИКОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Россия

Для цитирования:

Новичков Н. В., Серебрянников С. С. Глобальная экономическая интеграция: социальные системы и институты // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Том 10, № 1. С. 1–18. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-1-18.

Введение: в статье раскрываются основные направления глобальной экономической интеграции на основе институтов и социальных систем, инициированных к созданию и реализации Российской Федерацией.

Цель: проведение научных обобщений относительно институциональных и системных основ глобальной экономической интеграции с участием России.

Методы: содержательный и сравнительный анализ научного и фактологического материала; обобщения на основе анализа научной и публицистической литературы.

Результаты: определены основные направления интеграции вокруг России, ее институциональные формы в современных глобальных условиях; представлена формула, вокруг которой может осуществляться интеграция: «Экономика & Технологии & Культура». Приводятся размышления о том, что именно Россия обладает максимальным интеграционно-привлекательным потенциалом среди всех политико-экономических лидеров. Результаты исследования были неоднократно апробированы и обсуждены на ряде научно-практических мероприятий.

Выводы: в статье содержатся рекомендации для осуществления международной экономической и политической деятельности, а также осуществления государственной политики, направленной на развитие глобальной экономической интеграции на базе тех или иных институтов и социальных систем.

Ключевые слова: интеграция; международная организация; система; стратегическая инициатива; политика; экономика; культура

ВВЕДЕНИЕ

Началу XXI века присущ целый ряд особенностей, что позволяет говорить об уникальном характере геополитической структуры современного мира. Среди всех имеющихся характеристик можно выделить следующие:

- глобальный характер отношений, начиная от торговых и заканчивая экологическими;
- наличие нескольких, в том числе новых, центров влияния и притяжения, претендующих на глобальное лидерство (Европейский союз, Китай, Индия и др.);
- продолжающаяся претензия Соединенных Штатов Америки на мировое политическое и военное лидерство;
- перманентное возникновение и укрепление региональных объединений по всему миру, начиная с Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки и заканчивая арабским миром и Африкой;
- периодическое проявление рецидивов XX века в международных отношениях и др.

В этих условиях необходимо определить достойное место России как важного глобального экономического и политического игрока. В связи с этим крайне важны формулирование и представление новой российской стратегической повестки, которая могла бы стать идейной основой интеграции вокруг России как одного из полюсов многополярного мира.

Таким образом, целью данного исследования является поиск ответа на вопрос: «Какое позитивное решение может предложить Россия в качестве основы и базового элемента привлекательного для различных участников интеграционного образования, конкурентоспособного на глобальном политическом уровне?».

Работа основана на применении системного подхода и интерпретации социальной системы как объединения социальных элементов, порождающих новую целостность и новую сущность (Гиг, 1981; Джонсон и др., 1971; Надеев, 1993; Надеев, 2006).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

I. Основные аспекты и содержание политико-экономических институтов XX века.

Считается, что политический XIX век закончился в 1914 году с началом Первой мировой войны, изменением глобальной повестки дня, исчезновением старых (например, борьба за колонии между европейскими державами) и появлением новых (последствия Октябрьской революции, борьба за лидерство в Европе и др.) противоречий.

XX век, несмотря на его хронологическую кратковременность, был крайне насыщенным политическими событиями, превратившими его в исключительный в мировой истории политический период. Минувший век был ознаменован целым рядом беспрецедентных политических явлений, имеющих глобальные и тотальные последствия.

1. Прошедшие две мировые войны с неслыханными в мировой истории человеческими жертвами и глобальными политическими изменениями. Мировые войны, по мнению ряда историков, случались и раньше. Так, Уинстон Черчилль, имеющий репутацию не только стратега и политика, но и признанного специалиста в истории Британии, выступавшей с окончания наполеоновский войн по Вторую мировую войну в качестве мирового лидера, считал, что хронологически первой мировой войной была Семилетняя война середины XVIII века, охватившая почти все континенты (Churchill, 2015). Но, очевидно, при всей важности ее политических последствий, она носила не настолько глобальный характер, как войны, прошедшие в XX веке.

2. Октябрьская революция, которая при всей неоднозначности ее содержания и влияния, имела, в своей сути, беспрецедентную в мировой истории попытку в реальной политической, экономической и культурной жизни сформировать альтернативу привычному историческому развитию (Бердяев, 2007). Данное событие, безусловно, привело к масштабным человеческим жертвам и целому ряду локальных конфликтов, но в то же время имело громадное историческое значение.

3. Соперничество двух противоборствующих систем, ставшее следствием Октябрьской революции, привело не только к формированию двух соперничающих блоков и появлению двух основных центров силы, но и к неминуемой конвергенции капиталистической и социалистической систем, что отмечал в своих работах академик А. Д. Сахаров. Действительно, страны социалистического лагеря, в той или иной степени, неминуемо возвратились к рыночным отношениям, особенно в сфере малого предпринимательства, а все без исключения капиталистические державы, так или иначе, пришли к различным моделям социальной справедливости, защиты человека труда и приоритета социальных ценностей. Современные западные историки не любят об этом говорить, но без рабочего движения, воодушевленного в том числе привлекательностью СССР (что отмечалось многими моральными авторитетами), путь к современному «благополучию для всех» (термин Людвиг Эрхарда (Erhard, 1957)) был бы пройден за более продолжительное время. Современный Китай – это тоже продукт конвергенции, которая наряду с традиционной китайской философией (конфуцианство и даосизм) была одной из идейных основ реформ Дэн Сяопина, приводящих в настоящее время Китай к мировому экономическому лидерству.

4. Появление и политическое банкротство человеконенавистнической идеологии национал-социализма, что, с одной стороны, было, конечно, предопределено, а с другой – явилось величайшей трагедией XX века.

5. Крах мировой колониальной системы и появление беспрецедентного числа государств в мире. Действительно, после Второй мировой войны, в течение относительно короткого времени, распались все, без исключения, колониальные системы мира, начиная с «классической» британской и заканчивая «молодыми» – бельгийской, итальянской и проч. Количество государств быстро увеличилось с нескольких десятков до двух сотен.

6. Банкротство мировой системы социализма и распад Советского Союза, как известно, имели под собой как объективные, так и субъективные

основания. К объективным, безусловно, относятся неэффективность и низкая степень инновационности социалистической экономики в конце XX века, что в условиях конкуренции с Западом привело к снижению уровня и качества жизни в СССР и странах социалистического блока, фактической несостоятельности советского государства. При этом называть социалистическую экономику тотально неэффективной, однозначно, нельзя, как в силу индустриальных и научных достижений, так поэтапного решения социальных проблем в СССР (образование, здравоохранение, жилищная проблема и др.).

Считается, что XX век политически закончился в августе 1991 года, но XXI век одновременно с окончанием XX века не начался. Дальнейшие политические события показали, что мир в течение более чем 20 лет оставался, по сути, постсоветским и фактическим продолжением XX века. Так или иначе, но XX век заложил как основы, так и вызовы и противоречия миропорядка XXI века, с которыми мир сталкивается в настоящее время.

II. Современные вызовы и действующие социальные системы и политико-экономические институты.

Нужно отметить, что продолжение обозначенного выше этапа (политического XX века) имело, безусловно, инерционный сценарий. Не случайно, что Западная, Центральная и часть Восточной Европы значительно раньше России сделали попытку (той или иной степени успешности) установить новую политическую реальность, попытавшись устранить разделительные линии и сформировать в качестве институциональной формы «нового европейского порядка» интеграционное образование «Европейский союз», ставшее новым актуальным политико-экономическим институтом.

Наряду с новыми в современном мире существуют и старые политические институты, характерные для политического XX века.

Каковы признаки «новых» и «старых» политико-экономических институтов?

К старым, существовавшим в политической реальности прошлого века, нужно относить институты, направленные на решение задач XX века: защита от агрессивного окружения, экономическая изоляция, региональная или идеологическая интеграция. Соответственно новые политические институты призваны решать проблемы, возникающие в настоящий политический и исторический период.

Среди старых институтов можно выделить «институты-анахронизмы» – те, которые продолжают существовать, цепляясь за прошлые политические реалии и за не существующую ныне политическую повестку.

Среди таких институтов можно выделить три группы: военные блоки, идеологические организации и инерционные объединения.

В Европе и Северной Америке существование институтов-анахронизмов проявилось в сохранении (несмотря на декларации конца 80-х – начала 90-х годов) Североатлантического альянса (НАТО) с его укреплением и расширением за счет как бывших членов Варшавского пакта, так и стран Балтии. В результате на карте мира при наличии безблоковой политической реальности до сих пор сохраняется самый мощный на планете военно-политический союз.

Большая часть крупнейших идеологических организаций прекратила свое существование вместе с окончанием блокового противостояния, однако часть организаций, существующих скорее на общей политической основе, продолжают функционировать, среди них, например, Движение неприсоединения и др. Сюда же относятся Всемирный банк и МВФ, которые созданы в рамках определенной экономической идеологии, а точнее – Бреттон-Вудской экономической системы, которая также пережила трансформацию и ответом на современные глобальные экономические вызовы уже быть не может.

К инерционным политико-экономическим институтам и социальным системам относятся, с одной стороны, Содружество Независимых Государств (СНГ), а с другой – ООН и ОБСЕ.

Среди старых политико-экономических институтов существуют и те, которые трансформируются и успешно находят свое предназначение в новых политических реалиях. Наиболее ярко преобразование «старой» организации на новой политико-экономической основе проявилось при трансформации Генеральной Ассамблеи по тарифам и торговле (ГАТТ), созданной на Западе с целью недопущения проникновения в страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) передовых технологий, во Всемирную торговую организацию (ВТО), ставшую одним из институциональных оснований современного политико-экономического мира. Аналогичными институтами являются ОПЕС, АТЭС и др.

Таким образом, к новым политическим институтам можно отнести ВТО, а также часть новых региональных или глобальных организаций (ЕС, БРИКС, G20 и др.).

Современные политико-экономические институты призваны отвечать следующим глобальным вызовам:

- наличие глобальных угроз терроризма и экстремизма и отсутствие легитимного алгоритма их предотвращения или нейтрализации;
- игнорирование рядом крупнейших мировых экономик требований устойчивого развития и экологической безопасности;
- несоответствие ряда глобальных и региональных политических организаций современным политическим реалиям и требованиям, иногда граничащее с формированием самостоятельных политических вызовов;
- появление новых амбициозных политических лидеров (среди стран и их объединений), готовых предложить собственное мировое политическое видение, что, с одной стороны, повышает мировую политическую конкуренцию, а с другой – формирует целый комплекс новых проблем и вызовов;
- отсутствие эффективных инструментов регулирования или координации сотрудничества глобальной экономики, особенно с учетом беспрецедентного по масштабам, продолжительности и содержанию мирового финансового кризиса, развивающегося в настоящее время;
- экономический, технологический и гуманитарный разрыв между «золотым миллиардом» и большей частью населения планеты;
- кризис мирового гуманистического начала и отсутствие общепринятой культурной и нравственной парадигмы, способной объединить большую часть планеты.

III. Россия на пороге нового политико-экономического века.

На пространстве бывшего Советского Союза XX век и постсоветский период в течение более чем 20 лет проявлялись в следующих аспектах:

– взаимное придание государствами, появившимися в результате распада СССР, статуса государственных границ «линиям», являвшимися до декабря 1991 года, по сути, административными границами внутри единого советского государства. При этом возможности выбора присоединения к тому или иному государству, чтобы было реализовано при разделе Британской Индии, так предоставлено и не было;

– сохранение «старых» конфликтов и территориальных споров на пространстве бывшего СССР (Нагорный Карабах, Приднестровье, Гагаузия, Абхазия и Южная Осетия и др.);

– формальное существование Содружества Независимых Государств, которое экс-президент Украины Леонид Кучма когда-то назвал «формой развода» (Кучма, 2003), чем в итоге СНГ и стало;

– использование территорий стран бывшего СССР организациями из других регионов для собственного укрепления (НАТО, Восточное партнерство, организации исламского мира и др.);

– постоянные и абсолютно органичные интеграционные процессы на пространстве бывшего СССР, начиная с Союзного Государства России и Белоруссии, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и заканчивая Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

Сейчас можно говорить о том, что для России XX век окончательно закончился амбициозной заявкой на формирование новой политико-экономической реальности, в которой Россия может выступать одним из центров мирового политического и экономического притяжения.

Данный факт имеет следующие институциональные проявления.

1. Политические события на Украине и прошедший в Крыму и Севастополе референдум о присоединении к Российской Федерации фактически институционально зафиксировали окончание постсоветского периода на пространстве бывшего СССР. «Сговора по умолчанию постсоветских элит» о новом мироустройстве больше не существует.

2. 1 января 2015 года Россия вместе со своими партнерами создала Евразийский экономический союз, в который сейчас уже входят 5 экономик. Соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС подписал Вьетнам. На пороге еще ряд аналогичных соглашений. Переговоры об экономической интеграции с ЕАЭС идут на глобальном уровне: начиная с Израиля и заканчивая Сингапуром.

3. Россия, по факту, уже предлагает себя в качестве надежного и эффективного партнера разным странам мира и международным организациям вне идеологических блоков, региональных ограничений и политических предрасположений XX века. Россия открыта миру и готова выступать одним из центров глобального политического притяжения.

Обоснованы ли амбиции России на представление себя в качестве одного из мировых политических, экономических и культурных лидеров? Ответ на этот вопрос нам представляется однозначно положительным в силу целого ряда самых разных объективных причин.

1. Россия не просто одна из динамично развивающихся экономик мира, она представляет собой одну из четырех экономических держав мира, которая уже более чем 100 лет стабильно входит в элиту мировых экономик. Перед Первой мировой войной Российская Империя находилась на пятом месте по объему ВВП (США с 1872 года находились на первом месте, Германская Империя к 1914 году была на втором, Япония – на шестом). В настоящее время Российская Федерация имеет шестую экономику в мире, а США, Япония и ФРГ – соответственно первую, четвертую и пятую (Джайлз, 2014; Churchill, 2015). Список остальных экономических лидеров за сто лет, так или иначе, серьезно изменился.

2. Россия имеет стабильные отношения со всем мировым политическим контуром, начиная с признанных мировых центров (США, ЕС, Япония и др.) и новых глобальных лидеров (КНР, Индия, исламский мир и др.) и заканчивая региональными и многими иными амбициозными державами. Данные отношения имеют как традиционный характер, так и являются следствием динамично развивающихся контактов России с новыми партнерами, формирующимися и укрепляющимися за последние 20 лет.

3. Россия имеет уникальный опыт развития в условиях плюрализма и многообразия культур и цивилизаций, мирного сосуществования и сотрудничества представителей различных национальностей, религиозных объединений и идеологических убеждений. Идеологическое многообразие, многонациональность и федерализм закреплены в Конституции РФ. При этом Россия на фоне кризиса мировой объединительной гуманистической идеи остается оплотом морально-нравственного начала и ключевым культурным центром, сформированным на основе прочного культурно-цивилизационного базиса (Бабаков, 2007). Идеиный кризис в Старом свете пока не позволяет сформировать сколько-нибудь значимую и привлекательную конкурентную концепцию (Вовчук и Серебренников, 2009).

4. Кризис предложения глобальному политико-экономическому миру со стороны еще недавно признанных политических лидеров, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, которые уже перестают выполнять роль как морального лидера, так и центра, способного находить адекватные ответы на возникающие глобальные и региональные вызовы.

IV. Особенности позиционирования России как глобального центра притяжения.

Интеграция, как правило, осуществляется либо в ответ на общие внешние угрозы, либо при наличии позитивной притягательной идеологии.

Очевидно, что более устойчивыми в стратегическом плане образованиями являются те интеграционные формы, которые построены именно на некоей позитивной привлекательной конструктивной идее или послании (Европейский союз и все иные объединительные политические конструкции здесь не являются исключением).

Соответственно позиционирование России на глобальном политическом поле необходимо осуществлять на основе суперпослания.

Нужно отметить, что в последнее время различные идеи пророссийской международной интеграции появляются на тех или иных экспертных или

медийных площадках. В целом, все данные концептуальные предложения можно свести к двум основным группам с условными наименованиями: «русскость» и «империя». Очевидно, что обе обозначенные группы идей, концепций и подходов страдают вполне понятными политическими ограничителями и имеют условную стратегическую привлекательность.

Тем не менее конструктивная повестка для представления международной роли России и ее партнеров в новом тысячелетии вполне возможна. Она должна соответствовать следующим критериям:

- быть привлекательной;
- строиться на позитиве, а не на отрицании или противопоставлении (утверждения, типа, «Украина не Россия» (Кучма, 2003) в качестве национальной идеи для нашего соседа и братского народа не выдержали испытания временем);
- позволять присоединяться к будущему объединению на понятных основаниях и без искусственных ограничений «на входе»;
- носить нерегionalный, неидеологический и неэтнический характер;
- иметь четкое направление не в прошлое, а в настоящее и будущее.

На основе сказанного попытаемся сформулировать притягательную идею, которую может предложить Россия окружающему миру.

Представляется, что данное послание может стоять на трех базовых основаниях: экономика, технологии, культура.

Российская культура является важным элементом мирового культурного наследия и обладает громадным потенциалом привлекательности и развития. Что касается экономики, то ее объединительная и позитивная основа очевидна, а без технологий невозможно современное развитие.

Таким образом, позитивная повестка дня может строиться на трех последовательных основаниях: экономическая эффективность как база для стратегического развития – технологии как основа интеграции – культура как базовый элемент привлекательности отношений.

Россия в состоянии предложить глобальной экономике и политике новую интересную повестку дня по ускорению экономического развития на основе совместного поиска технологических решений и культурного обогащения.

V. Евразийский экономический союз и БРИКС как базовые институты экономической интеграции.

ЕАЭС, на первый взгляд, сильно напоминает другое интеграционное образование – Европейский союз. Однако между ними есть принципиальная разница. Обозначим некоторые различия:

1. Европейский союз – это реинкарнация Священной Римской Империи германской нации, существовавшей тысячу лет в Европе до Наполеоновских войн. Основная особенность Священной Римской Империи в том, что в нее входили в том числе формально независимые монархии Западной Европы, которые при этом признавали сюзеренитет Римского (читай – германского) императора. ЕС создан по аналогичной модели: в нем существует Германия как локомотив европейской экономики, к которому присоединены в качестве вагонов экономики большинство

других стран-членов ЕС. Таким образом, Европейский союз – это «Священная Римская Империя версии 2.0».

2. Европейский союз носит региональный характер, и, действительно, сложно себе представить, чтобы к ЕС присоединились такие развитые региональные экономики, как например, Мексика или Корея.

3. Европейский союз, при всем уважении к его основателям, представляет собой способ фиксации отношений, попытку закрепиться на имеющихся рубежах и желание оградиться от окружающих проблем. В этом смысле ЕС – это скорее эффективный инструмент не развития, а выживания. В этой связи скопировать его позитивный опыт невозможно (Куликова и др., 2012).

ЕАЭС изначально формировался и формируется как попытка на новой организационно-политической, экономической и идейной основе восстановить крупнейшее интеграционное образование на континенте, каковым выступал Советский Союз. Но Евразийский союз нельзя называть «новым Советским Союзом» по той простой причине, что ЕАЭС – это добровольное, основанное на взаимных интересах объединение, а не фиксация советской властью границ после Первой мировой и Гражданской войн.

Евразийский союз, в отличие от Европейского, строится на важных институциональных основаниях, среди которых принципиальными являются следующие:

- интеграция на постсоветском пространстве является первым шагом в становлении ЕАЭС, при этом далеко не все страны бывшего СССР могут стать членами нового объединения;

- Евразийский союз открыт для интеграции и тесных отношений не только со странами бывшего СССР, но и с широким списком государств континента (здесь аналогом выступает Континентальная хоккейная лига (КХЛ), в которой выступают сильнейшие клубы из почти 10 стран континента);

- ЕАЭС является организационной формой развития и повышения конкурентоспособности входящих в него экономик. Он призван не «охранять» своих членов, а содействовать их развитию на новом экономическом и политическом уровне;

- Россия, безусловно, выступает в роли самой мощной экономики Евразийского союза, но при этом она может быть не единственной такой экономикой в случае появления в составе Союза другого сильного глобального игрока, сопоставимого по экономической мощи с Россией. Появление такого члена ЕАЭС вполне возможно;

- наконец, Евразийский союз на основе идеологии открытости и развития вполне в состоянии превратиться в глобальную, с точки зрения географии, организацию в случае появления партнеров с других континентов.

Необходимо добавить, что устойчивость и долгосрочность всех возможных интеграционных образований будет зависеть от желания в них участвовать эффективно развивающихся экономик, что может быть важным критерием реализации принципов новой позитивной инновационной стратегической инициативы (Хокинс, 2011).

Евразийский союз можно считать одной высоковероятной, но, безусловно, не единственной из форм интеграции на новых стратегических основаниях.

Другой не менее привлекательной формой является объединение БРИКС. Можно выделить ряд доминантных черт данного интеграционного образования:

1. У всех участников союзов имеются общие торговые интересы, пока проигрывающие по объемам сотрудничеству с евроатлантическими партнерами, но имеющие огромный потенциал роста, как в части товарооборота (за счет новых рынков), так и в части обмена и продажи технологий.

2. БРИКС создан как альтернатива G7 и противопоставление дряхлеющему «золотому миллиарду».

3. Страны БРИКС демонстрируют положительную динамику роста.

4. Рассматриваемое интеграционное образование имеет возможность территориального и политического расширения зоны влияния за счет стран-партнеров.

5. БРИКС является, пожалуй, наиболее «тяжеловесным» экономическим альянсом в современном мире. Присоединение к БРИКС одной из ведущих мусульманских экономик (Индонезии, Турции, Египта или Малайзии), а также одной из испаноговорящих латиноамериканских стран (Аргентины или Чили) «замкнет» глобальный и уникальный характер БРИКС.

Серьезным фактором, доказывающим возможность усиления роли России как интегратора в рассматриваемых интеграционных формах может выступать тот факт, что все, без исключения, участники БРИКС при модерлирующей роли России не имеют между собой сколько-нибудь значимых политических противоречий.

Кроме того, представители стран-участниц БРИКС не раз заявляли о желании расширения сотрудничества, например, в рамках создания особых правил межгосударственной торговли, заключения дополнительных договоров с Россией и ЕАЭС.

Россия среди стран БРИКС занимает одну из лидирующих позиций. Объективно БРИКС объединяет страны с высоким экономическим потенциалом и широкими перспективами роста. С этой точки зрения Россия занимает первое место по уровню ВВП на душу населения; кроме того, уровень развития человеческого потенциала в нашей стране гораздо выше, чем в остальных странах объединения.

VI. Россия как глобальный политический и экономический партнер.

Как отмечалось выше, основными организационно-политическими формами позиции России как одного из центров глобального притяжения являются укрепление и развитие ЕАЭС и БРИКС.

Важно отметить, что данные формы, при всей их однозначной первостепенности, являются далеко не исчерпывающими, поскольку абсолютное большинство наших действующих и потенциальных партнеров в мире не являются членами ни то, ни другого объединения. Тем не менее возможности для позиционирования России в качестве глобального политического и экономического партнера среди стран-нечленов обозначенных выше объединений значительные.

Исходя из формулы «экономика – технологии – культура» можно выстраивать значительные и крайне перспективные как двусторонние, так и много-

сторонние связи с самым широким кругом стратегических партнеров (Тросби, 2013; Харрисон, 2008).

В сфере экономических отношений крайне важно выходить на рынки стран, с которыми не было тесных экономических связей у СССР. Примером выстраивания подобных отношений может служить экономическое сотрудничество с Турцией, Кореей, Израилем и другими странами, которые не считались значимыми экономическими партнерами СССР, но сейчас входят в число стран-лидеров по товарообороту с нашей страной (Лебедева и Ясин, 2013).

Сфера технологического сотрудничества представляется крайне перспективным направлением двустороннего и многостороннего сотрудничества по совместному нахождению важнейших технологических решений, польза от которых может носить глобальный характер.

Культура также обладает значительным потенциалом развития международных отношений. При этом Россия может играть здесь существенную ведущую роль в силу того, что способна на создание и трансформацию системы глобальных гуманитарных ценностей, что позволяет обеспечить интеграция вокруг них самых разных странах и организаций. В условиях кризиса традиционных ценностей и их замещения суррогатами, а также разного рода привлекательными «легкими идеями», основанными на экстремизме и нетерпимости, Россия совместно с партнерами материализует функцию международного ценностно-гуманитарного стандарта, стабилизатора и аккумулятора позитивных и созидательных начал. Культурное наследие, понятный всем язык искусства и гуманистическая философия, характерная для российской культуры, могут быть фактором, цементирующим основы международной стабильности и развития. Здесь особую роль играет туризм как инструмент «мягкой силы» и продвижения нашей страны, ее культурной и цивилизационной привлекательности (Котлер и др., 2005; Сибрук, 2013).

В каждом направлении сотрудничества могут быть свои приоритетные направления и партнеры, но данный факт не должен мешать глобальному позиционированию и выстраиванию взаимодействия на всевозможных геополитических и геоэкономических направлениях, что уже проявляется, например, в построении зон свободной торговли с отдаленными странами.

VII. Конкуренты России как центра глобального притяжения.

Безусловно, в современном многополярном мире расклады сил и потенциал региональных и национальных центров меняются быстро. За двадцать лет, прошедших с момента распада СССР, выросла объединенная Европа, существенный скачок совершили страны и союзы Азиатско-Тихоокеанского региона. Существенно снизил влияние или исчез вообще ряд региональных центров, прежде всего в Северной Африке.

В этой связи можно выделить ряд конкурентов России, способных сформировать вокруг себя объединения, обладающие серьезным потенциалом. Ключевыми признаками центров-конкурентов, по нашему мнению, являются:

- наличие самостоятельной экономики, высокий потенциал экспорта;
- потенциал для формирования регионального финансового центра;

- выгодное географическое положение;
- наличие внятной идеологии, определяющей стратегию развития;
- наличие самостоятельного национального правительства, способного отстаивать интересы свои и союзников на мировой арене.

Данным критериям на сегодняшний день отвечают лишь Индия и Китай. Оба эти государства являются партнерами России по БРИКС, тесно сотрудничают с нашей страной и в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. Потенциал роста имеется у ряда игроков в мусульманском мире. К таким лидерам можно отнести Индонезию, Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Часть этих государств также могут рассматриваться в качестве партнеров. При этом и Индия, и Китай обладают рядом внутренних противоречий – спорные территории, недостаточный индекс человеческого потенциала, уровень образования населения и т.д.

По нашему мнению, в ближайшей перспективе говорить о стратегии развития Китая и Индии как мировых центров притяжения без участия России в таких союзах и иных формах сотрудничества нелогично.

VIII. Глобальные вызовы и претензия России на политико-экономическое лидерство.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время можно выделить целую группу глобальных вызовов различного характера, на которые страны мира, претендующие на мировое лидерство, в одиночку или (что более оправданно) через кооперацию должны иметь исчерпывающие, удовлетворяющие и признаваемые мировым сообществом ответы, алгоритмы, решения.

В течение более чем двух веков мировое лидерство принадлежало (и пока, в общем-то, продолжает принадлежать) англосаксонскому миру. После Семилетней войны и уже точно после Наполеоновских войн глобальное лидерство захватила Великобритания, которое она удерживала, в той или иной степени, до окончания Второй мировой войны, когда глобальный центр переместился в Соединенные Штаты Америки. Будучи с 1872 года экономическим лидером мира по объему ВВП, только после 1945 года США также «оформили» и политическое лидерство, которое, так или иначе, с той или иной степенью успешности оспаривали Советский Союз и Китайская Народная Республика. Пока США остаются глобальным лидером, с позицией которых считаются все державы планеты. Как отмечалось, Китай в 2014 году смог обогнать США по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС). В этом случае глобальное экономическое лидерство впервые за несколько столетий переместится из англосаксонского мира в Азию.

Данный аспект имеет громадное значение с точки зрения экономических и политических перспектив Китая, а также его партнеров, к которым, безусловно, относится и Россия. Вместе с тем сам факт фиксации лидерства по объему ВВП по ППС говорит лишь о хороших перспективах Китая как глобального центра, но, безусловно, не обозначает окончания «англосаксонской эпохи» и точно автоматически не делает Китай однозначным политическим и экономическим лидером. У нас нет задачи анализировать проблемы и противоречия современного Китая, которые, безусловно, есть и решение

которых еще предстоит найти политическим и экономическим лидерам Поднебесной. В данном случае необходимо отметить лишь два ключевых аспекта:

– между экономическим лидерством и политическим доминированием в мире может пройти значительное по историческим масштабам время (в случае с США – с 1872 по 1945 год – более полувека);

– мировой политический и экономический лидер должен иметь ответы на все современные глобальные вопросы, включая экономику, безопасность, экологию, приоритеты в науке и образовании и даже культурные ценности и философские парадигмы.

При всей неоднозначности отношения к Америке, США на данный комплекс вопросов имели и имеют свой, вполне стройный и логичный, комплекс ответов, которые, условно и грубо говоря, укладываются в следующий смысловой ряд: «демократический выбор – свобода конкуренции – единство свободного мира – приоритет западных ценностей – гегемония США» (Новичков, 2008).

Есть ли аналогичные по энергии содержания ответы у конкурентов США на ключевые глобальные вопросы? Ответ на данный вопрос неочевиден. А применительно к России этот ответ должен быть найден.

Представленная выше концепция мирового позиционирования России на основе экономического сотрудничества, технологической кооперации и общности культурных ценностей, в целом, не только позволяет находить ответы на возникающие вопросы, но и эффективно реагировать на изменение внешней геополитической и геоэкономической среды (Новичков, 2008).

Но данное позиционирование имеет несколько большую ценность, чем просто повышенная способность к адаптивности и реактивности. Россия, как центр экономического роста, технологического развития и культурного творческого начала, способна сама менять окружающий мир, т.е. реализовывать собственные стратегические инициативы, позволяющие не только минимизировать последствия кризисов, но через проактивное изменение среды не допускать появления тех или иных противоречий (Латфуллин и Новичков, 2016).

Что внушает нам оптимизм по отношению к подобной роли именно применительно к России? Ответ напрашивается методом исключения: в мире много экономически, инновационно, технологически и культурно развитых стран. Состав G20 (от Канады до Индонезии и от Южной Африки до Кореи) говорит именно о данном разнообразии (Вовчук и Серебренников, 2009). Но только России обладает и экономическим богатством, и необходимым технологическим и инновационным развитием, и крайне значимым культурным и творческим багажом и потенциалом. Данный аспект является важным условием, а опыт сотрудничества и кооперации, что характерно для нашей страны, становится преимуществом в плане претензии на роль мирового центра политического и экономического притяжения. Пока это только в потенциале, но есть все предпосылки для превращения в реальность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе представлено видение позиционирования России как глобального политического и экономического игрока, а точнее – одного из центров глобального притяжения. Привлекательный образ России должен базироваться на трех последовательных основаниях: экономическое развитие – технологическое сотрудничество – культурная привлекательность.

Также отмечено, что реализация данного позиционирования возможна через три основные организационные формы: ЕАЭС, БРИКС и двухсторонние, а также многосторонние отношения России с самым широким кругом стратегических партнеров, в которых Россия могла бы играть ведущую роль на основе реализации экономических интересов, технологической кооперации и объединения на основе общности культурных ценностей.

Утверждение о том, что в России, наконец-то, закончился политико-экономический XX век, позволяет открывать новые возможности и горизонты на глобальном политическом и экономическом уровне. Изучение данных аспектов представляется крайне актуальным и может быть продолжено, конкретизировано и проблематизировано в дальнейшем.

Библиографический список

Бабаков А. Слева, но по курсу [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2007/10/26/babakov.html> (дата обращения: 06.01.2018).

Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2007. 358 с.

Вовчук Д. Е., Серебренников С. С. Консерватизм как идеология ведущих политических партий Европы // *Власть*. 2009. № 3. С. 136–140.

Гиг Дж. Ван. Прикладная общая теория систем / пер. с англ. под ред. Б. Г. Сушкова, В. С. Тютютина. М.: Мир, 1981. 336 с.

Джайлз К. Китай может стать крупнейшей экономикой мира уже в этом году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/05/05/kitaj-uzhe-v-etom-godu-mozhet-stat-krupnejshej-ekonomikoj> (дата обращения: 04.01.2018).

Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство (теория систем и руководство системами) / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Гаврилова и Ю. Т. Печатникова. М.: Советское радио, 1971. 648 с.

Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Питер, 2005. 384 с.

Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Изд-во «Время», 2003. 560 с.

Латфуллин Г. Р., Новичков Н. В. Политическая организация. СПб.: Питер, 2016. 496 с.

Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // *Форсайт*. 2013. № 2. С. 16–26.

Надеев А. Т. Основы системного анализа. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1993. 136 с.

Надеев А. Т. Систематика. Кн. 1: Концепция систематики. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2006. 116 с.

Новичков Н. В. Европа и Россия: два пути к демократии // Современная Европа. 2008. № 3. С. 29–43.

Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в XXI веке / Под ред. Н. В. Куликовой, И. И. Орлика, Н. В. Фейт. М.: ИЭ РАН, 2012. 350 с.

Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / Пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2013. 240 с.

Тросби Д. Экономика и культура / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.

Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2008. 240 с.

Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2011. 256 с.

Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples. L.: Bloomsbury Academic, 2015. Vol. 1–4.

Erhard L. Wohlstand für Alle. Düsseldorf: Econ-Verl., 1957. 432 p.

Информация об авторах

Новичков Николай Владимирович – д-р экон. наук, профессор, Почетный работник науки и техники Российской Федерации, советник Министра культуры Российской Федерации, 125993, г. Москва, Малый Гнезниковский пер., 7/б, стр. 1, 2

ORCID: 0000-0001-7192-0312

ResearcherID: E-1115-2018

Электронный адрес: novichkov@gmail.com

Серебренников Сергей Сергеевич – канд. экон. наук, доцент, декан факультета инженерного менеджмента ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1

ORCID: 0000-0001-6545-0449

ResearcherID: D-9810-2018

Электронный адрес: serzhsilver@gmail.com

Статья получена 1 февраля 2018 года

UDC 338(100)

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-1-18

GLOBAL ECONOMIC INTEGRATION: SOCIAL SYSTEMS AND INSTITUTIONS

Nikolay V. Novichkov

Ministry of Culture of the Russian Federation, 7/6 Maly Gnezdnikovsky pereulok, buildings 1, 2, Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0001-7192-0312

ResearcherID: E-1115-2018

E-mail: novichkov@gmail.com

Sergey S. Serebrennikov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky avenue, building 1, Moscow, 119571, Russia

ORCID: 0000-0001-6545-0449

ResearcherID: D-9810-2018

E-mail: serzhsilver@gmail.com

For citation:

Novichkov, N. V. and Serebrennikov, S. S. (2018), "Global Economic Integration: Social Systems and Institutions", *Ars Administrandi*, vol. 10, no. 1, pp. 1–18, doi: 10.17072/2218-9173-2018-1-1-18.

Introduction. The article reveals the main trends in global economic integration based on institutions and social systems initiated by the Russian Federation.

The **aim** of the present study is to work out scientific generalizations regarding the institutional and systemic foundations of global economic integration with the participation of Russia.

The main **method** used is the content and comparative analysis of scientific and factual material. The article presents generalizations made by the authors independently on the basis of scientific and journalistic literature analysis.

Results. The article presents the main trends of integration around Russia, its institutional forms in the modern global conditions. In addition, the paper presents a formula which can be central to effecting integration: "Economics & Technology & Culture". In particular, reflections are given on the fact that it is Russia that possesses the maximum integratively attractive potential among all political and economic leaders. The results of the study were repeatedly tested and discussed at the number of scientific and practical events.

Conclusion. The article contains recommendations for implementing international economic and political activities, as well as the state policies aimed at developing global economic integration based on certain institutions and social systems.

Key words: integration; international organization; system; strategic initiative; politics; economics and culture

References

Babakov, A. (2007), "Left, but at the rate" [Online], available at: <https://rg.ru/2007/10/26/babakov.html> (Accessed January 6, 2018).

Berdyayev, N. A. (2007), *Smysl tvorchestva* [Sense of creativity], AST, Moscow, Russia.

Vovchuk, D. E. and Serebrennikov, S. S. (2009), "Conservatism as Ideology of the Leading Political Parties in Europe", *Vlast'*, vol. 3, pp. 136–140.

van Gigch, J. P. (1981), *Prikladnaya obshchaya teoriya sistem* [Applied general systems theory], Translated by Sushkov, B. G. and Tyukhtin, V. S. (ed.), Mir, Moscow, Russia.

Giles, Ch. (2014), "China Can Become The World's Largest Economy This Year" [Online], available at: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/05/05/kitaj-uzhe-v-etom-godu-mozhet-stat-krupnejshej-ekonomikoj> (Accessed January 4, 2018).

Johnson, R. Kast, F. and Rosenzweig, J. (1971), *Sistemy i rukovodstvo (teoriya sistem i rukovodstvo sistemami)* [The theory and management of systems], Translated by Mikhailov, I. M., Sovetskoe radio, Moscow, Russia.

Kotler, Ph., Asplund, Ch., Rein, I. and Haider, D. (2005), *Marketing mest. Privlechenie investitsii, predpriyatii, zhitelei i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe], Translated by Akkai, M., Piter, Saint Petersburg, Russia.

Kuchma, L. (2003), *Ukraina – ne Rossiya* [Ukraine is not Russia], Vremya, Moscow, Russia.

Latfullin, G. R. and Novichkov, N. V. (2016), *Politicheskaya organizatsiya* [Political organization], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Lebedeva, N. M. and Yasin, E. G. (2013), "Culture and Innovation: to the Formulation of the Problem", *Foresight and STI Governance*, vol. 2, pp. 16–26.

Nadeev, A. T. (1993), *Osnovy sistemnogo analiza* [Fundamentals of systems analysis], Publishing House of Volgo-Vyatsky personnel center, Nizhny Novgorod, Russia.

Nadeev, A. T. (2006), *Sistematika. Kn. 1: Kontseptsiya sistematiki* [Systems Science. Vol. 1: Concept of Systems Science], Publishing House of Volgo-Vyatka Academy of Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia.

Novichkov, N. V. (2008), "Europe and Russia: Two Ways to Democracy", *Sovremennaya Evropa*, vol. 3, pp. 29–43.

Kulikova, N. V., Orlik, I. I. and Feit N. V. (ed.) (2012), *Rossiya i Central'no-Vostochnaya Evropa: vzaimootnosheniya v XXI veke* [Russia and Central-Eastern Europe: Relations in the 21st Century], Publishing of Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia.

Seabrook, J. (2013), *Nobrow. Kul'tura marketinga. Marketing kul'tury* [Nobrow. Culture Marketing. Marketing culture], Translated by Kozlov, V., Ad Marginem, Moscow, Russia.

Throsby, D. (2013), *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture], Translated by Kushnareva, I., HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Harrison, L. (2008), *Kto procvetaet? Kak kul'turnye cennosti sposobstvuyut uspehu v ekonomike i politike* [Who prospers: How cultural values shape economic and political success], Translated by Pinsker, B., Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.

Howkins, J. (2011), *Kreativnaya ekonomika. Kak prevratit' idei v den'gi* [The Creative economy: How people make money from ideas], Translated by Shcherbakov, I., Eksmo, Moscow, Russia

Churchill, W. S. (2015), *A History of the English-Speaking Peoples*, Vol. 1–4, Bloomsbury Academic, L., UK.

Erhard, L. (1957), *Wohlstand für Alle*, Econ-Verl., Düsseldorf, Germany.

Received February 1, 2018